

ДЕЯТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КНИГИ

СТРАНИЦЫ
ЖИЗНИ
РУССКОГО
ИЗДАТЕЛЯ

М. В. САБАШНИКОВА

КОГДА в начале 1970-х годов я начал собирать материалы для своей книги «Книгоиздатели Сабашниковы», дочь Михаила Васильевича Сабашникова любезно познакомила меня с воспоминаниями своего отца. И вот в издательстве «Книга» вышли в виде изящного томика «Воспоминания» М. В. Сабашникова. Вступительная статья Е. И. Осетрова, краткий комментированный указатель имен В. Г. Уткова.

Михаил Васильевич и его брат Сергей Васильевич Сабашниковы вписали яркую страницу в историю русской и советской книги. Академик Д. С. Лихачев писал, что «братья Сабашниковы были издателями по призванию, талантливо и бескорыстно ведущими свое культурное дело, и работа их оставила значительный след в истории русской книги».

Мы не избалованы мемуарами книгоиздателей, тем веселее и интереснее читать воспоминания М. В. Сабашникова. Но это не просто мемуары книгоиздателя, это прежде всего воспоминания человека, который ясно сознавал общественную значимость профессии книгоиздателя, он и сделал все, что было в его силах, для развития русской книжной культуры.

Издательство братьев Сабашниковых существовало с 1891 по 1930 год. За это время было выпущено свыше 600 книг тиражом 1,5 млн. экземпляров. Оно прославило русское книжное дело, и русское книжное дело стало таким же замечательным достижением нашей культуры, как литература, театр, живопись, музыка, архитектура. Владимир Ильич Ленин, по свидетельству Анатолия Васильевича Луначарского, назвал издательство Сабашниковых одним из наиболее культурных русских частных издательств.

«Воспоминания» М. В. Сабашникова — это повествование человека, посвятившего свою жизнь книгам, почти полвека выпускавшего книги, которые невозможно спутать с продукцией других русских книгоиздательств. На всем, что издавали Сабашниковы, лежал отпечаток высокой культуры и научности. Именно это обстоятельство дало возможность современникам назвать издания с маркой «М. и С.

Сабашниковы» своеобразной «Сабашниковской Академией», попасть в которую считалось большой честью для любого автора.

Этот же отпечаток незаурядной культуры и истинной интеллигентности лежит и на «Воспоминаниях» М. В. Сабашникова. Автор их держится все время как бы в тени, мемуары написаны с большим тактом и скромностью. А ведь Михаил Васильевич был не просто издателем отличных книг, он был широко образованным человеком, прекрасно разбиравшимся и в литературе, и в естествознании, и в живописи. Вот почему он был духовно близким человеком многим из авторов своего издательства, а с некоторыми из них его связывала многолетняя дружба.

А рассказ его прежде всего и главным образом о книгах, вышедших в издательстве М. и С. Сабашниковых, о великолепных издательских сериях, переживших свое время, и одни названия которых заставляют учащенно биться сердце всех увлеченных библиофилов: «Памятники мировой литературы», «Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», «Записки прошлого», «Русские Пропилеи».

И лучшим доказательством того факта, что книги с маркой «М. и С. Сабашниковы» принадлежат не только своему времени, являются современные советские издания — серии «Литературные памятники», «Литературные мемуары», сборники «Литературное наследство». Их предтечами были превосходные издания братьев Сабашниковых.

Можно только приветствовать выпуск издательством «Книга» «Воспоминаний» М. В. Сабашникова, существенно обогативших наши представления об истории русского книжного дела.

Сегодня газета знакомит своих читателей с фрагментами из мемуаров замечательного русского издателя.

С. БЕЛОВ,

кандидат филологических наук,

старший научный сотрудник

Государственной Публичной библиотеки

им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ПОСЛЕ смерти брата Сергея я продолжал наше издательство, по-прежнему пользуясь постоянной дружеской помощью Н. В. Сперанского. В отдельных случаях, от раза к разу, мы советовались (привлекали к работе по их специальности) с нашими давними постоянными сотрудниками — М. Н. Сперанским, М. О. Гершензоном, В. Н. Львовым и М. А. Мензбиром.

Под контору издательства сняли отдельное помещение в полуподвале дома № 6 по Тверскому бульвару, в котором я жил, а под книги продолжали держать просторный, хорошо оборудованный склад, бывший Скимунта, снятый мною еще в 1906 году. Мы сохранили прежнюю, уже получившую известность фирму, печатая на выпускаемых книгах «Издание М. и С. Сабашниковых» и ставя на обложке исполненную Митрохиным марку-моногограмму.

Приступая к подготовке издания «Памятников мировой литературы», надо было ориентироваться в имеющихся уже русских переводах древних писателей, в первую очередь античных классиков. Литература эта оказалась довольно обширной. Переводы зачастую печатались в журнале Министерства народного просвещения и отдельными книгами совсем не выходили. Выпущенные же в свет отдельными изданиями в книжных магазинах считались распроданными и с трудом находились у букинистов, тогда как в действительности значительная часть тиража иногда лежала у издателей, не находя сбыта.

Такая участь постигла, например, прекрасное издание речей Цицерона (перевод Зелинского) и «Истории» Фукидида (перевод Мищенко), выпущенных Кузнецовым, главой чайной фирмы, известным пионером чайных плантаций на Кавказе. В громадном многомиллионном предприятии эти меценатские издания были, можно сказать, забыты самими хозяевами. Молодой приказчик в магазине Карбасникова на Моховой разыскивал для меня эти книги как большую редкость, тогда как они в большом количестве лежали на складе фирмы в рядах на Красной площади, куда с Моховой рукой подать.

Это обнаружилось, когда один из директоров фирмы, увидя у меня на столе Фукидида, полюбопытствовал, по-

чему я эту книгу читаю. Впоследствии, перед выпуском нашего Фукидида, пришлось скупить остаток кузнецовского издания!

К работе для «Памятников мировой литературы» надо было привлечь петербургских филологов.

По совету М. О. Гершензона я в первую очередь обратился к Ф. Ф. Зелинскому и хорошо сделал. Ф. Ф. Зелинский отнесся к нашим начинаниям в высшей степени сочувственно. Мы с ним оживленно проговорили весь вечер. Как мне рассказал Ф. Ф. Зелинский, три друга, филологи-поэты — он сам,

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вячеслав Иванов и Иннокентий Анненский — дали когда-то друг другу слово перевести трех греческих трагиков: Эсхила — В. Я. Иванов, Софокла — Ф. Ф. Зелинский, а Еврипида — Иннокентий Анненский, и некоторая работа в этом направлении уже сделана. Нам теперь оставалось договориться с переводчиками и включить эти переводы в наше издание «Памятников». Софокл устраивался, таким образом, очень просто — за него брался Зелинский. Кроме того, Ф. Ф. Зелинский просил оставить за ним Аристофана, которого он надеялся дать в сотрудничестве с одним своим учеником.

После отъезда Ф. Ф. Зелинского я договорился с Адрианом Пиотровским о переводе всего Аристофана. Две комедии в его переводе («Лисистрату» и «Всадники») мы даже выпустили в маленьком издании. Очень жалко, что дело на этом обрвалось, так как А. Пиотровский очень удачно справился и с переводом, и с комментариями. Не его ли имел в виду Ф. Ф. Зелинский, когда просил оставить Аристофана за ним в сотрудничестве с его учеником?

В. Я. Брюсов перевел для нас «Энеиду» Вергилия, но издать нам ее уже не пришлось. Она была выпущена Государственным издательством. Приступил ли В. Я. Брюсов к переводу Тацита, не знаю. Во всяком случае,

он охотно за него брался. В сохранившихся его письмах он анализирует свои данные для этой работы.

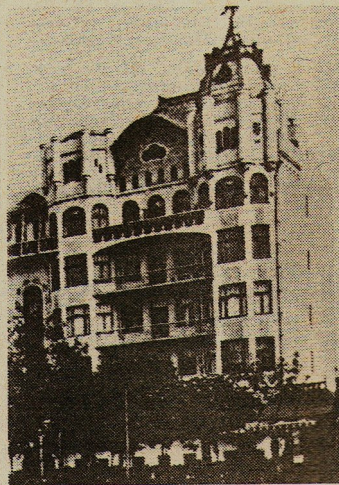
Но мы не собирались ограничиться одними античными писателями, исподволь готовясь к более широкой программе, что смущало некоторых наших сотрудников. Возражали против включения в программу «Памятников» наряду с античными писателями также отделов «Народной словесности», «Творений Востока», что, однако, входило в нашу общую концепцию всего предприятия. М. Н. Сперанский опасался, что мы устной русской словесностью перегрузаем «Памятники» тяжелым и неинтересным для наших читателей материалом, и советовал издать «Былины» отдельно, не включая их в «Памятники».

В сохранившихся письмах востоковеда Алексея (ныне академика) и Вальмонта отразились опасения их, как бы мы не поспедали этим советам. И Линдемман вспоминал об этих спорах в шуточном стихотворении, обращенном ко мне по случаю 35-летия издательства в 1926 году:

Когда же Асвагошу*
Ввели в свой книжный круг,

Соперников в калашу
Всех посадили вдруг.

НА СНИМКАХ:
Михаил Васильевич Сабашников. Здание на Тверском бульваре в Москве, в котором находилась контора издательства М. и С. Сабашниковых.

* Асвагоша — легендарный индийский поэт. Его поэма «Жизнь Будды» в переводе К. Вальмонта вышла в 1913 году в серии «Памятники мировой литературы».

ПРЕЗИДИУМ Моссовета 23 октября 1918 года муниципализировал все московские частные книгоиздательства и книготорговые предприятия. Впредь до особого распоряжения книгоиздательства были признаны находящимися в арендном пользовании их прежних владельцев, а сами владельцы состоящими на службе Моссовета и ответственными за нормальное продолжение работы. Я был обязан подпиской продолжать свою издательскую деятельность.

Положение нашего издательства, едва уцелевшего после пожара 1917 года, становилось критическим.

Мы с Н. В. Сперанским решили обратиться к наркому просвещения А. В. Луначарскому и, представив ему программу нашей работы, просить о суде. Наши сотрудники одобрили такое предложение. Мы поручили К(онстантину) В(асильевичу) Аркадакскому обратиться к А. В. Луначарскому, жившему в Петрограде.

Несмотря на свой преклонный возраст, Константин Васильевич очень быстро и успешно исполнил это поручение и телеграфировал нам: «Заявление подал. Прошу ссуду или аванс пятьсот тысяч. Комиссар обещал исполнить Москве, куда выезжает сегодня дней на десять. Увез заявление и заключение Горького. Повидайте его понедельник. Результаты телеграфируйте».

Наркомат тогда помещался на Крымской площади в здании бывшего Катковского лица. Обширная приемная наркома была полна ожидавших его посетителей. Вошел нарком в сопровождении нескольких лиц, с которыми оживленно разговаривал. Сделав общий поклон в нашу сторону, Луначарский сел к стоявшему посередине комнаты письменному столу, жестом пригласив нас, посетителей, подойти. Мы все, пришедшие на прием, столпились со своими бумагами около его стола. Он брал заявления, быстро их прочитывал, писал ре-

золюции. Мы с Михаилом Осиповичем оказались как-то в числе первых. Я устно изложил наше ходатайство. Луначарский задал несколько вопросов, наложил резолюцию, пожал мне и Михаилу Осиповичу руки и пожелал: «Бодро работать в прежнем духе».

Михаилу Осиповичу хотелось, чтобы мы заявили о подготовке изданий «для широчайшей масс». Но мы с Николаем Васильевичем находили, что это неуместно, так как противоречило бы всему прошлому издательству, между тем как претендовать на внимание мы могли только по заслугам изда-

тельства. Я теперь мог сослаться на слова наркома: «Продолжайте в прежнем духе».

Резолюция Луначарского была благоприятна. Как я впоследствии узнал от него лично, В. И. Ленин по докладу Луначарского о частных издательствах сказал ему: «Такому культурному издательству, как издательство Сабашниковых, мы должны оказать всяческое содействие».

Оформить ссуду договором надо было с П. И. Лебедевым-Полянским. По договору от 13 февраля 1919 года нам был открыт в казначействе целевой кредит на сумму один миллион рублей в форме текущего счета.

По истечении срока был заключен другой, аналогичный договор с Воронским от лица Госиздата, хотя все-таки отдел печати Моссовета, особенно в первое время, считая себя нашим хозяином, контролировал все наши шаги. Н. С. Ангарский, бывший заведующий Книгоиздательства писателей, как знающий и любящий книгу человек, несомненно, сочувствовал нашей работе и желал ей успеха.